

100

ВЕЛИКИХ
МОРСКИХ
ЛЕГЕНД
И СУЕВЕРИЙ

Николай Александрович Каланов

Сто великих морских легенд и суеверий

Серия «100 великих (Вече)»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74142066
ISBN 978-5-4484-5798-2*

Аннотация

«Сто великих морских легенд и суеверий» – это уникальная книга, которая погружает читателя в богатый мир мифов, легенд и традиций, связанных с морем. Она раскрывает захватывающие истории о древних божествах, загадочных местах, легендарных путешественниках, морских чудовищах и кораблях-призраках. Сюжеты, собранные из различных эпох и культур, переплетаются с суевериями и обычаями, которые веками сопровождали моряков.

Эта книга является идеальным выбором для любителей истории, морской романтики и мифологии. Она предлагает редкую возможность узнать о богатстве морских суеверий и легенд, которые оставляют след в культуре и по сей день. Благодаря увлекательным сюжетам и доступному языку книга подойдет как для широкой аудитории, так и для специалистов в области фольклора и истории.

Содержание

Предисловие	5
Морские боги и мифы	8
Всемирный потоп – очищение земли водами гнева	8
Варуна – хранитель космического порядка и истины	19
Афродита – рождённая из морской пены	28
Посейдон – повелитель стихии	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Каланов Николай Александрович Сто великих морских легенд и суеверий

© Каланов Н.А., 2026

© ООО «Издательство „Вече“», 2026

С 1998 года издательство «Вече» выпускает книги серии «100 великих» – уникальные энциклопедии жизни знаменитых людей и выдающихся творений человеческого гения, самых удивительных явлений и загадок природы, величайших событий истории и культуры.

Предисловие

Человек вышел к морю гораздо раньше, чем научился записывать свою историю. Волны уносили лодки за горизонт, но не всегда возвращали их обратно. Штормы возникали «ни с того ни с сего», под водой прятались скалы и течения, ночью над палубой вспыхивали странные огни. Море было огромным, непредсказуемым и пугающе живым — и именно поэтому вокруг него так быстро разросся густой лес легенд и суеверий. Книга Николая Каланова «Сто великих морских легенд и суеверий» о том, как люди пытались понять и приручить морскую стихию с помощью мифов, преданий, страшных историй и «проверенных» моряцких примет. Здесь море предстаёт живой стихией, открывающейся через рассказы о богах и духах, странствующих мореходах, исчезнувших землях, кораблях-призраках и необычных явлениях на горизонте и в небе. Мы увидим, как реальные опасности, штормы, течения и ошибки навигации превращаются в рассказы о проклятых местах и чудовищах глубин, как мечты о богатстве рождают сюжеты о несметных кладах и утраченных сокровищах. Важно и другое измерение этой темы, связанное с повседневными приметами и обрядами моряков, их особым кодексом поведения, который помогал сохранять хладнокровие там, где от человека мало что зависело и всё решала погода. Соединяя научные объяснения,

исторические факты и многовековые предания, книга показывает, почему даже в эпоху точных карт и сложной техники море, как и прежде, остаётся пространством загадок и заставляет людей снова и снова придумывать новые истории.

Книга «Сто великих морских легенд и суеверий» не ставит своей целью «разоблачить» все легенды или, наоборот, беспрекословно им поверить. Скорее она приглашает читателя заглянуть за кулисы морских историй: увидеть, как миф рождается из страха, надежды, наблюдений и недопониманий. Как одно необычное событие со временем превращается в «устойчивую» легенду и как изменяются представления о море – от гнева богов до спутниковых карт и метеопрогнозов.

Автор опирается как на мифологические тексты, так на исторические источники, а также на данные естественных наук, но при этом старается сохранить главное – ощущение загадки. Ведь даже сегодня, в эпоху спутников и глубоководных аппаратов, море остаётся пространством, где человек до конца не чувствует себя хозяином. А там, где заканчивается уверенность, снова начинают рождаться легенды...

Если вы когда-нибудь стояли на берегу и долго смотрели на горизонт, вслушиваясь в шум прибоя, – эта книга для вас. В книге, которую вы сейчас держите в руках, собраны сто великих морских легенд и суеверий, которые помогут по-новому увидеть как стихию Великого Океана, так и человека, пытающегося с ней договориться.

Секретарь Союза писателей России
Владимир Шигин

Морские боги и мифы

Всемирный потоп – очищение земли водами гнева

Вода – одна из самых древних метафор хаоса: она ломает формы, стирает границы, уносит то, что казалось незыблемым. Но в ней же скрыто и обратное: после разлива остаётся чистое пространство, с которого можно начать заново.

Из множества морских сказаний особенно упрямо держится одно: история о Всемирном потопе. В ней море выходит из берегов не как каприз погоды, а как приговор целому устройству мира – волны закрывают сушу, и прежняя жизнь исчезает под водой. И удивляет тут не столько масштаб бедствия, сколько его повторяемость в рассказах разных культур. Этот мотив великого наводнения всплывает в преданиях народов, которые разделены океанами и тысячелетиями, – от Месопотамии до обеих Америк, от Индии до Китая и Австралии.

Для тех, кто живёт у воды, это просто предупреждение: море умеет кормить и спасать, но в любой момент может стать чужим и смертельным. Оно даёт и отнимает одним и тем же движением.

Один из древнейших письменных источников об этом сюжете – шумерский миф о Зиусудре, датируемый III тысячелетием до н. э. Согласно глиняным табличкам, боги решили уничтожить человечество: людей стало слишком много, и их «шум» лишал небожителей покоя. Этот «шум» понимался буквально – как назойливое, раздражающее присутствие смертных, нарушающее божественную тишину. В ответ высшие силы постановили наслать потоп, чтобы избавить землю от беспокойного человеческого рода. Однако бог мудрости Энки, сочувствуя людям, нарушил запрет и тайно предупредил праведного царя Зиусудру, передав ему инструкции по строительству спасительного судна. Зиусудра сумел уберечь свою семью и «семена жизни». Некоторые исследователи полагают, что под «семенами» могли подразумеваться как зерна растений, так и представители фауны, необходимые для восстановления мира.

Спустя примерно два тысячелетия после шумерской версии этот же мотив обретает классическую форму в аккадском «Эпосе о Гильгамеше». Аккадцы – древний народ Месопотамии, говоривший на языке семитской группы; в III–II тысячелетиях до н. э. они создали могущественное государство с центром в Аккаде (Агаде) при царе Саргоне, а их речь надолго стала языком дипломатии на Ближнем Востоке. Они переняли клинопись у шумеров, унаследовали и переосмыслили их пантеон и сюжеты, создав общую культурную почву для будущих вавилонских и ассирийских традиций. По-

добно шумерскому преданию, причина бедствия здесь самая земная: «шум людей» и перенаселение, нарушившие космический порядок и сон верховного божества. Праведником в этой версии становится Утнапиштим, переживший катаклизм на ковчеге. «Шесть дней и семь ночей бушевала буря; на седьмой стихла. Всё живое исчезло. Море стало плоским, как крыша. Я выпустил голубя – он вернулся. Ласточку – она вернулась. Ворона – он не вернулся. Тогда я понял, что вода спала». Эти строки стали прообразом многих будущих традиций, где птица выступает вестником суши, а корабль – вместилищем жизни. И здесь слышно простое напоминание: что милосердие мудрого божества может сохранить порядок не полным уничтожением, а спасением избранных ради новой эпохи.

Библейские тексты появились примерно через полторы-две тысячи лет после месопотамских версий. Они отличаются по стилю и теологии, но мотивы ковчеге, избранного героя и спасения жизни очень близки, что указывает на общие культурные корни народов Древнего Ближнего Востока. История Всемирного потопа в Книге Бытия – одна из самых мощных по своему символическому значению. Она начинается с того, что «увидел Господь, что велико развращение человеков на земле и что все мысли сердца их были зло во всякое время». Человечество утратило меру, погрузилось в насилие и несправедливость. И тогда Творец решает истребить всё живое водами потопа.

Всемирный потоп. Художник И.К. Айвазовский. 1864 г.

Но среди людей был один, о котором Писание говорит: «Ной был человек праведный и непорочный в роде своём; Ной ходил пред Богом». Ему было дано откровение о грядущей катастрофе и повеление построить ковчег – огромный корабль длиной около 300 локтей (примерно 135 метров), покрытый смолой изнутри и снаружи, со множеством ярусов, способный вместить семью праведника и «из всякой плоти по паре, мужского и женского пола». Согласно тексту,

Ной исполнил всё в точности. Когда пришел срок, «разверзлись источники великой бездны, и окна небесные отворились». Дождь лил сорок дней и сорок ночей, вода поднималась выше гор, и «всё, что имело дыхание жизни, умерло». Лишь ковчег плыл по бескрайнему морю, сохраняя в себе зачатки нового мира. Этот образ корабля, несущего жизнь сквозь гибель, стал узнаваемым символом, который культура будет повторять снова и снова.

Повествование детализирует, как Ной выпускал птиц, чтобы узнать, спала ли вода. Через семь дней голубь принёс в клюве свежую оливковую ветвь – знак того, что суша вновь открылась. В этом жесте заключён один из самых прочных символов человечества: голубь с ветвью стал эмблемой мира и надежды, знаком прощения и нового начала. Когда воды окончательно схлынули и ковчег остановился на горах Араратских, Ной с семьёй и животными вышел на землю и воздвиг жертвенник. В ответ Господь заключил с человечеством завет, обещая больше не истреблять землю потопом. Знамением этого договора стала радуга, «положенная в облаке» как вечное напоминание: после бури приходит свет, а разрушение не будет последним словом истории.

Эта история оказала долгое и очень осязаемое влияние на западное мышление и культуру. В ней вода предстала двойственным началом: стихией гибели и средством очищения, возвращения к истокам. Ковчег стал символом спасения и одновременно образом самой церкви, которая ведёт людей

через штормы жизни, охраняя от гибели и сохраняя надежду на будущее. Для моряков, ежедневно сталкивающихся с бурями, этот миф имел особый смысл: их собственный корабль становился «ковчегом», а они сами – участниками вечной истории о спасении сквозь хаос воды. В этом смысле библейское сказание – это и религиозный сюжет, и устойчивый образ, соединяющий страх перед стихией и надежду на её преодоление. В нём заключено напоминание, что даже в момент величайшего краха возможно новое начало и человек, сохраняющий верность, может стать основателем новой эпохи.

После шумерских и аккадских преданий мотив «великой воды» переходит в античный мир, меняя акценты. Если у жителей Месопотамии бедствие было реакцией богов на шум и перенаселение, то у эллинов вода становится судом за нравственное разложение. Потоп в греческой мифологии – это акт очищения мира от человеческой гордыни (хюбриса) и восстановления космического равновесия, когда Зевс возвращает вселенной меру. Греки сохранили легенду о Девкалионе и Пирре. Зевс, разгневанный жестокостью людей, решил уничтожить человеческий род, обрушив на землю Всемирный потоп. Девкалион, сын титана Прометея, и его жена Пирра по совету Прометея (или по воле богов) построили ковчег – «ящик-лодью» – и пережили на нём наводнение. Девять дней и ночей их уносили волны, пока судно не причалило к склонам Парнаса. Когда вода спала, они сошли

на сушу и обратились к богам с просьбой указать путь возрождения рода человеческого. Оракул дал загадочный совет: «Бросайте за спину кости Великой Матери». Супруги догадались, что Великая Мать – это Земля-Гея, а её «кости» – камни. Девкалион и Пирра начали бросать камни за спину, и те обращались в людей: брошенные мужем становились мужчинами, а женой – женщинами. Так человечество возродилось из самой природы, из союза земли и воды. В этой легенде корабль –местилище жизни, вода – сила очищения, а камень – зерно новой истории.

На Востоке, в индийской мифологии, похожая история зафиксирована в текстах «Шатапатха-брахманы» и «Махабхараты». Главный герой – Ману, мудрец и праведник, индийский аналог Ноя. Однажды он спас маленькую рыбку, а та в ответ попросила заботы. Ману переносил её из кувшина в пруд, затем в озеро, в реку и, наконец, в океан, так как рыба стремительно росла. В итоге она открылась ему как аватара бога Вишну. Вишну предупредил Ману о надвигающемся потопе и велел построить лодку. Когда вода покрыла землю, рыба подплыла, и Ману привязал судно к её рогу. Рыба провела ковчег через бушующие волны в безопасное место. После того как стихия утихла, Ману стал предком нового человечества. Потоп в этой истории предстает не столько наказанием, сколько частью божественного замысла обновления мира. Предупреждение Ману – акт милости хранителя вселенной. Боги не «уничтожают из злобы», а очищают

мир, сохраняя необходимый минимум для перезапуска жизни: праведника, семена и знание дхармы. Здесь акцент сделан на доверии и союзе человека с божественным.

Совершенно иное развитие сюжет получил в Китае. Здесь легенда рассказывает о наводнении, охватившем всю Поднебесную. Герой Гунь пытался бороться со стихией, возводя плотины, но потерпел неудачу. Его сын, Юй Великий, понял, что воду нельзя сдерживать – её нужно направлять. Он годами строил каналы и дамбы, укрощая потоки. В этой версии наводнение – не кара небес, а испытание, которое можно преодолеть трудом и разумом. Китайский миф стал основой политической философии, смысл которой в том, что истинный правитель – тот, кто умеет «держат воду в русле».

Важное место легенды о потопе занимают и в мифологии народов Америки, особенно у майя и ацтеков. Они верили, что мир проходит через циклы-«солнца» и каждая эпоха заканчивается катаклизмом. Одна из таких эпох завершилась всемирным наводнением, призванным очистить землю от людей, переставших следовать священному порядку. Большинство погибло, но в некоторых версиях избранные выжили, порой превращаясь в рыб или деревья. Потоп здесь выступает способом перезапустить мир, провести черту между прошлым и будущим. У североамериканских племен, таких как ирокезы и чероки, существует особое предание: после потопа люди спаслись на спине гигантской черепахи, из которой затем возникла новая суша. Черепаха, символ устой-

чивости, стала образом земли, обретенной посреди бескрайней воды.

И изолированный континент Австралия хранит память о большой воде. Аборигены рассказывают, что когда-то весь мир был затоплен. Всё изменилось, когда Радужная Змея – одно из ключевых мифологических существ – впала в спячку, успокоив тем самым бушующую стихию. Вода отступила, обнажив сушу для зарождения жизни. Хотя этот миф возник независимо от евразийских историй, он удивительно перекликается с ними: вода здесь – и разрушитель, и колыбель нового начала. Схожие мотивы есть в скандинавской мифологии (после Рагнарёка из моря поднимается обновленная земля) и в славянских сказаниях, где Бог наказывает землю водой, оставляя в живых только укрывшихся на плавучих бревнах.

Если свести эти версии к общему каркасу, то явно, что во многих традициях повторяется похожий сценарий: люди нарушают сакральный порядок, и начинается катастрофа – дожди, волны, наводнение. Всё живое гибнет, но один человек или малая группа спасаются на ковчеге, плоту, каноэ или спине животного. Затем воды отступают, и мир начинается заново. Этот древний мотив несёт ясный символический смысл: вода возвращает мир к началу – это смерть и одновременно возрождение.

Историки, геологи и археологи давно ищут исторические основания этих мифов. Среди гипотез – катастрофические

разливы рек Тигр и Евфрат, прорыв Босфора около 5600 года до н. э. (когда Средиземное море хлынуло в Черноморскую низину) или таяние ледников после Ледникового периода. Часто упоминается извержение вулкана Санторин (Фера) в XVII веке до н. э., вызвавшее цунами, погубившее минойскую цивилизацию. Вероятно, локальные катастрофы воспринимались древними общинами как «конец света» и, обрастая деталями, превращались в универсальную трагедию.

В морской культуре этот миф приобрёл особый вес. Для моряков он был постоянным напоминанием о власти воды над человеком. Перед отплытием часто звучали молитвы, чтобы «не повторился потоп». В христианских морских общинах ковчег Ноя стал символом корабля-церкви. На Русском Севере поморы в шторм кричали: «Не дай нам, Господи, потопа всемирного!», отождествляя бурю с библейской катастрофой.

В эпоху Великих географических открытий легенда о потопе нашла отражение в картах и символике. Средневековые картографы часто изображали мир окруженным водами первозданного хаоса. Ковчег стал эмблемой надежды на гербах портовых городов и гильдий, а изображения голубя с оливковой ветвью украшали корабли в портах Южной Европы.

Легенда о потопе живёт так долго просто потому, что страх перед большой водой понятен каждому без лишних слов. Она напоминает, что наш мир хрупок и море в любой

момент может забрать свое обратно.

Варуна – хранитель космического порядка и истины

В древнеиндийских гимнах имя Варуны звучит рядом с водой – но его властью вода не исчерпывается. Это бог, который «держит» мир: над морями и реками у него – только первая граница. Дальше начинаются небо, закон, мера. Варуна следит за тем, чтобы всё оставалось на своих местах: чтобы светила не сбивались с пути, чтобы дожди приходили вовремя, чтобы нарушенное равновесие возвращалось – иногда в виде наказания, иногда как тихое внутреннее чувство вины, которое человек вдруг не может заглушить.

Ведийские поэты воспевали Варуну как грозного, но беспристрастного судью, восседающего в сияющей колеснице. В неё запряжены лебеди или мифические макары – удивительные создания, сочетающие в себе черты рыбы, крокодила и льва.

В мифологическом воображении Древней Индии этот бог никогда не одинок: он окружён свитой, символизирующей как необузданную силу природы, так и её скрытую мудрость. Это верные спутники, проводники через границы бытия, оберегающие всё священное и несущие глубинную истину. Они сопровождали Владыку в путешествиях по небесным и земным просторам, несли вахту у врат между мирами и влекли за собой божественную повозку.

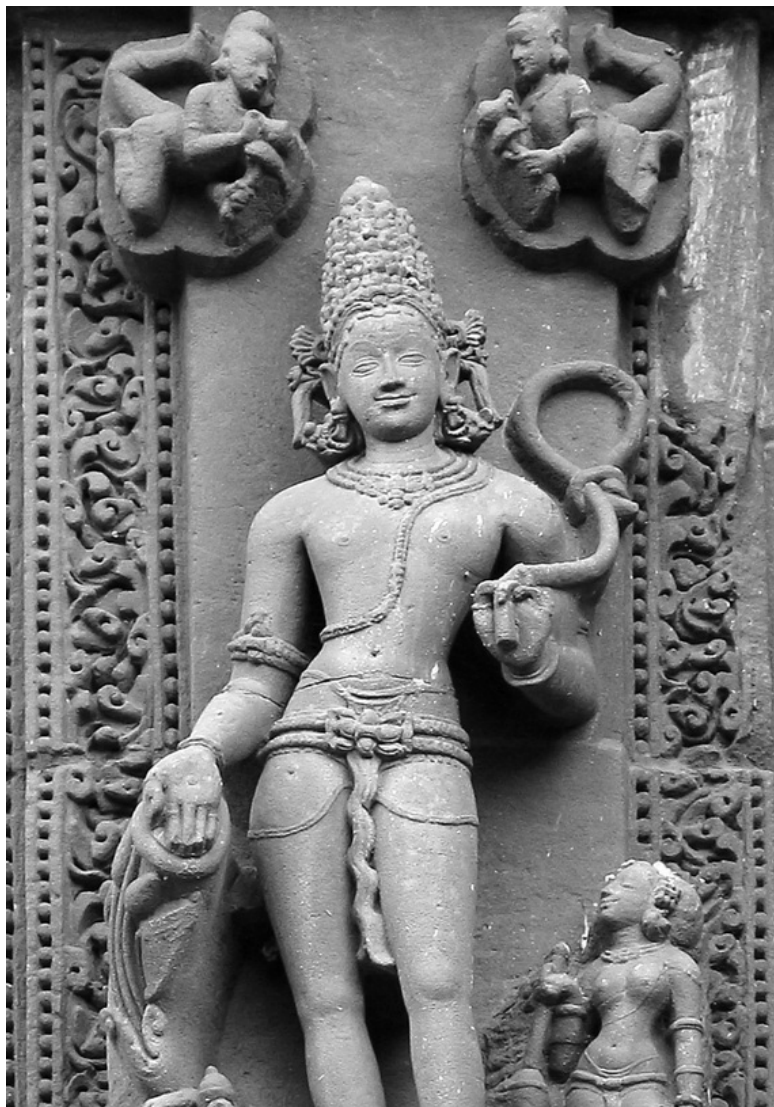
Среди них – наги, змеиные духи вод, чьи обиталища находились в подводных дворцах, скрытых в толще рек, озёр и морей. В легендах они предстают как полулюди-полузмеи: величественные, загадочные и неподвластные человеческим уставам. Их плавное скольжение в воде олицетворяет само течение времени и энергии. Наги почитались в двойном качестве: как часовые водной стихии и как хранители древних знаний. Они могли одарить избранного сокровенным откровением или, напротив, покарать за гордыню. Если же человеку удавалось заключить союз с нагом, тот становился могучим покровителем, оберегающим дом и род.

Рядом с ними – макары, одни из самых сложных и многогранных символов ведийской культуры. Эти создания объединяли облики разных зверей: голову антилопы, чешую рыбы, пасть крокодила и хвост павлина. На барельефах они выглядят как морские чудовища, но не вселяют ужас – наоборот, излучают спокойное величие, охраняя покой божественного. Макары везут колесницу Варуны сквозь бурю и штиль, участвуя в таинстве перемещения между мирами. Их изображения часто украшают входы в храмы, колонны и ритуальные сосуды; в их извивающихся телах древние видели связь с бездной, где рождаются тайны.

Особым смыслом наделена сеть Варуны – паша. Это магическая материя, сотканная из риты – фундаментального закона мироздания. Ею бог охватывал Вселенную, обнажая кривду и сковывая ложь. Паша сплетена из незримых нитей,

связывающих поступок с его последствием, а клятву – с ответом за неё. Тот, кто преступал истину, попадал в эти невидимые путы, словно рыба в невод. Но для тех, кто жил в гармонии с совестью, эти же узы становились защитным покровом, символом безопасности и душевной чистоты. Жрецы порой рисовали на земле магические круги, символизирующие эту ловушку для зла, и вступали внутрь, чтобы ощутить себя под эгидой небесного Отца. Так наги, макары и священный аркан становились основой мифа, соединяющего Вару-ну с водой, порядком и человеческой судьбой.

Предания о суровости и милосердии Хозяина вод были одними из самых пугающих и одновременно вдохновляющих в индийской традиции. Его наказание никогда не было слепым – оно служило напоминанием, что мир стоит на правде и любой обман, подобно трещине в кувшине, грозит разрушить целое. Но и прощение его было столь же великим, как и мощь: искреннее раскаяние и молитва могли укротить шторм или призвать спасительный дождь.

Варуна. Скульптура в храме Раджарани. Бхубанешвар, Индия. XI в.

Существовали легенды о масштабных потопах, когда негодование Варуны выплескивалось за пределы одной местности, затопляя целые царства. Одна из древних историй повествует о двух царях, нарушивших священный договор, скрепленный клятвой у воды. Они попытались обмануть друг друга, и в наказание реки в их землях пересохли. Почва растрескалась от зноя, а затем, напротив, вода хлынула из берегов, уничтожая жилища. Жрецы взывали к милости бога, но он хранил молчание, пока сами виновники не вышли к потоку и не признали свой грех, и только тогда стихия отступила.

Порой Варуна карал не народ, а одного человека, дабы преподать урок остальным. Рассказывали о рыбаке, который утаил от общины часть улова, поклявшись водами, что чист. В ту же ночь шторм перевернул его лодку. Наутро волны вынесли тело на берег, а в застывшей руке всё ещё блестела золотая чешуя украденной рыбы. Эта притча передавалась из поколения в поколение как истина о том, что ложь губит быстрее огня и только честность способна вернуть равновесие.

Впрочем, при всей своей строгости Варуна, согласно мифам, слышал зов даже оступившихся. В гимнах его именуют «Разрушителем оков», снимающим тяжесть с души раскаяв-

шегося. Люди верили: если в глухую полночь войти в реку с повинной, вода смоев вину, и незримая сеть распадётся.

Известна история о юноше, который солгал отцу и сбежал из родного дома. Его преследовали кошмары: каждую ночь ему снилось, что он тонет в темной пучине. Мучения прекратились тогда, когда он вернулся, совершил омовение и попросил прощения. Так Варуна показывал, что кара существует не ради уничтожения, а ради очищения духа.

Важное место в культуре занимали рассказы о чудесах. Варуна мог явить себя не грозным судьей, а едва уловимым знаком благоволения. Говорили, что он посылал черепаху, внезапно всплывшую у лодки, или цветок лотоса, распустившийся посреди засухи, давая понять, что молитва принята. Иногда его ответом была буря, а иногда – благословенная тишина вод. Для жрецов это означало, что божество говорит с людьми на разных языках: и громом, и безмолвием. Так легенды учили древних индийцев видеть в воде зеркало собственной совести. Каждая капля могла обернуться судом, каждый ливень – даром. В этом двуединстве Варуна оставался и карающим, и милосердным – владыкой, чья справедливость неотделима от сострадания.

Ритуалы, посвящённые хозяину вод, принадлежат к числу древнейших в ведийской традиции. На берегах водоёмов воздвигали алтари из камня, куда приносили подношения: молоко, мёд, зерно и рыбу. Воду черпали медными сосудами и выливали в жертвенный огонь, символически соединяя

две стихии и признавая власть Варуны над влагой и светом. В особые дни священнослужители входили в реку по пояс и распевали гимны, словно беседуя с самим дыханием Вселенной.

В этих обрядах вода посредником, переносящим мольбы туда, где их мог услышать хранитель закона. Празднества в его честь устраивали на стыке сезонов, особенно перед началом муссонов. Считалось, что без должного почтения дожди могут запоздать или, наоборот, превратиться в разрушительный ураган.

Варуна воспринимался также как судья за порогом земной жизни. В представлении древних вода служила рубежом, который душа пересекала после смерти. Предание тела реке или развеивание праха над водой было актом высшего доверия Варуне – стражу перехода. Его магическая сеть связывала миры, улавливая душу и направляя её согласно заслугам. Грешники погружались в темные глубины для искупления, а праведники легко скользили по волнам в светлые чертоги. Эта вера тесно переплетена с идеей кармы: каждое деяние человека отражалось в воде и фиксировалось божеством. Так он становился хранителем равновесия между воплощениями.

Исторический след этого образа удивительно глубок. Отголоски культа Варуны находят даже в греческих мифах: исследователи усматривают родство между ним, титаном Океаном и олимпийцем Посейдоном. В эпоху великих пересе-

лений фигура водного владыки кочевала из культуры в культуру, меняя имена, но сохраняя суть – поддержание порядка через стихию. В средневековой Индии главные роли заняли Вишну и Шива, однако в народной памяти Варуна остался покровителем побережий и рыбаков. Его имя до сих пор живет в названиях селений, озер и кораблей.

Даже в XXI веке древний бог не забыт. Его образ продолжает вдохновлять творцов. В поэзии Рабиндраната Тагора и его последователей вода часто выступает символом внутренней истины, а Варуна – метафорой совести. В современной литературе он предстает в образе вечной реки, хранящей память поколений.

Художники и скульпторы изображают его то как океанического исполина, то как звездную сеть, брошенную на небосвод. В кино и театре он олицетворяет неотвратимость правды. Музыканты интерпретируют его образ в диапазоне от традиционных мантр до электронной музыки, где звуки прибоя сплетаются с голосом. Западные композиторы посвящают ему симфонические полотна, видя в нём символ непостижимой глубины.

В индуистской практике вода остаётся делом совести. Когда река темнеет от стоков или когда источник исчезает, это воспринимают не как чужую «проблему природы», а как повреждение самого порядка жизни. Поэтому имя Варуны иногда появляется рядом с разговорами о защите рек: его вспоминают не ради обряда, а ради меры – чтобы назвать грани-

цу, которую нельзя переходить без расплаты.

Сегодня ему редко молятся напрямую, но его можно услышать в другом – в привычках тела. В омовении, в воде, которой умываются утром, в ладонях, сложенных ковшиком. Человек брызгает водой в лицо и повторяет движение, пережившее века. И если искать, где Варуна остаётся живым, то вот оно: в этом коротком жесте, где вода снова становится чем-то большим, чем жидкость, – знаком жизни и напоминанием о порядке, который она требует.

Афродита – рождённая из морской пены

Её имя – одно из тех, что пережили тысячелетия: его повторяют, не задумываясь, как повторяют слово «море». В начале XX века русский символист Валерий Брюсов, словно замороженный этой древней стихией, в своем «Гимне Афродите» обращался к ней не как к музейному экспонату, а как к живой силе: «Гимны слагать не устану бессмертной и светлой богине. Ты, Афродита-Любовь, как царила, так царствуешь ныне. Алыми белый алтарь твой венчаем мы снова цветами, радостный лик твой парит с безмятежной улыбкой над нами».

От античного мрамора до поэзии Серебряного века она остаётся узнаваемой: красота, которая не обещает безопасности. Она напоминает нам, что любовь – это сила, без которой мифы и люди теряют равновесие.

Афродита Анадиомена. Фреска из Помпей. I в. н.э.

Сама легенда о её появлении в этом мире сложилась в архаической мгле греческой истории, примерно в VIII–VII веках до н. э., когда устные песни стали обретать письменную форму и канон. Но корни этого мифа уходят гораздо глубже, в Восточное Средиземноморье, где культы любви и плодородия были древнее греческих храмов. Эти праматери воплощали в себе самую суть женственности: власть, способную как даровать жизнь, так и отнимать её. Благодаря торговым путям и культурному обмену эти представления вошли в греческий мир и переоформились – не исчезнув, а сменив язык и облик, слились в новом, сияющем образе Афродиты. Само её имя в народной этимологии хранит память о моменте рождения: «афрос» по-гречески значит «пена», и потому она – «Пенорожденная», дитя морской стихии.

Но рождение её не было мирным. Эту историю с пугающей откровенностью описал Гесиод в своей «Теогонии» – грандиозной поэме о происхождении богов. Он рисует картину, полную первобытного ужаса и величия. В начале времен Уран (Небо) и Гея (Земля) породили титанов – могучих и страшных детей. Уран, опьяненный властью и страхом перед собственным потомством, ненавидел их. Он не позволял им увидеть свет, запирая в темных недрах матери-Геи. Земля стонала от тяжести и боли, пока не замыслила жестокую месть.

На зов матери откликнулся младший, хитроумный Кронос. Гея вручила ему серп, выкованный из несокрушимого металла, и спрятала сына в засаде. Когда Уран, ведомый ночной страстью, спустился к супруге, Кронос нанес удар. Сталь рассекла божественную плоть, и сын оскотил отца, швырнув отсеченные части тела в бурлящее море. Так был свергнут деспотичный Уран, и власть перешла к новому поколению богов. Но то, что упало в воду, не исчезло. Морская бездна приняла семя и кровь бога. Вода вскипела, взбиваемая невидимой силой, и из этой белоснежной, шипящей пены возникла Афродита. Она вышла на берег не беспомощным младенцем, а взрослой, совершенной девоу. Её первые шаги коснулись песка Кипра (или, по другим преданиям, острова Кифера), и потому поэты навеки нарекли её Кипридоу.

Этот миф – формула перехода: от насилия – к рождению. Кровь Урана – это яростная энергия бытия, а море – вечная

материнская утроба. У Гесиода звучит парадокс: разрушение становится условием созидания. Разрушение рождает созидание, а из боли и крови рождается ослепительная красота. Афродита стала живым мостом между этими безднами, силой, превращающей войну стихий в гармонию любви.

Совсем иначе, мягче и «человечнее», трактует её происхождение Гомер в «Илиаде». Для него Афродита – дочь Зевса, верховного владыки Олимпа, и океаниды Дионы. В этой версии нет ни серпов, ни кровавой пены. Афродита здесь – законная наследница патриархальной семьи, часть «золотой молодежи» Олимпа. Если у Гесиода она – сама стихия, пугающая и прекрасная, то у Гомера она становится ближе к людям: это богиня капризов, флирта и чувственной страсти. Так рядом существуют две Афродиты: стихия и дочь Олимпа. Так образ прошел эволюцию от космического символа творения до зеркала, в котором каждый человек видит свои желания.

Но у этой красоты есть обратная сторона: она умеет разрушать. В её характере, как и в море, таились штормы. Мифы не лгут: она часто становилась причиной великих бедствий. Её знаменитый спор с Герой и Афиной стал искрой, спалившей великую Троию. Легенда гласит, что на пиру богиня раздора Эрида подбросила золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». Три владычицы вступили в борьбу, а судьей назначили троянского царевича Париса. Гера сулила власть, Афина – мудрость и победы, но Афродита знала сла-

бую струну человеческой души. Она пообещала Парису любовь самой красивой женщины мира – Елены.

В тот момент юноша даже не знал Елену, жену спартанского царя Менелая. Но для богини любви нет границ и морали. Парис, ослепленный даром, выкрал чужую жену. Греки сочли это несмываемым оскорблением, и флотилии двинулись к берегам Трои. Так дар любви обернулся десятилетней бойней. Миф устроен жестоко: он связывает любовь с ценой, которую платят другие. Миф безжалостно напоминает: страсть и предательство ходят рука об руку, и порой красота одной женщины стоит жизни целому народу.

Даже сама богиня не была застрахована от боли. История её любви к смертному юноше Адонису – одна из самых пронзительных трагедий Античности. Само рождение Адониса было отмечено печатью рока: его мать, царица Мирра, жертва проклятия, вступила в греховную связь с собственным отцом. Когда правда вскрылась, боги, спасая девушку от гнева, превратили её в дерево. Из треснувшей коры миррового дерева, источающего ароматную смолу, и появился на свет младенец Адонис. Афродита, увидев мальчика, была покорена его красотой. Она спрятала его в ларце и доверила Персефоне, владычице мира мертвых. Но когда Адонис вырос, Персефона влюбилась сама и отказалась возвращать юношу. Спор пришлось решать Зевсу: он разделил год на части. Треть времени Адонис проводил во тьме подземного царства, а две трети – на земле, в объятиях Афродиты.

Но счастье было хрупким, как весенний лед. На охоте юношу растерзал дикий вепрь – говорят, это ревнивый Арес принял облик зверя. Афродита, обезумев от горя, оплакивала возлюбленного. Из его крови, смешанной с её горькими слезами, выросли нежные анемоны – цветы, чья жизнь так же коротка, как и порывы страсти. Здесь снова видна двойственность богини: она дарит высшую радость, но эта радость мимолетна и всегда идет рука об руку со смертью.

Всматриваясь в образ Афродиты, мы видим тени её предшественниц. В ней живет величие восточных богинь плодородия: шумерской Инанны, воинственной аккадской Иштар и страстной финикийской Астарты. Через эти древние связи Афродита унаследовала символику планеты Венеры, сияющей на утреннем и вечернем небосводе. Римляне пошли еще дальше, отождествив её с Венерой и сделав прародительницей рода Юлиев (к которому принадлежал Цезарь) через её сына Энея. Так богиня любви превратилась в покровительницу империи, шагнув из мифологии в государственную идеологию. Она стала универсальной фигурой: её чтили и простые влюбленные, и императоры, жаждущие легитимности.

Архетип «Девы из вод» пронизывает культуру всего человечества. В поздних славянских мифах мелькает тень Лады; кельты поклонялись девам озер; суровая скандинавская Фрейя во многом зеркалит греческую сестру. Даже в далекой Индии прекрасная Лакшми рождается из вспенившегося-

ся Молочного океана с лотосом в руках. Это повторяющийся мотив: вода, женское начало и рождение жизни снова и снова сцепляются в один сюжет.

Сердцем культа Афродиты стал остров Кипр. Город Пафос почитался как священная земля, где её нога впервые коснулась суши. И хотя филологи спорят о происхождении имени «Афродита» от слова «пена», народная вера закрепила эту связь навсегда. В Пафосе стоял грандиозный храм, руины которого сегодня охраняет ЮНЕСКО. А у побережья возвышается скала Петра-ту-Ромиу. Легенда жива по сей день: считается, что смельчак, проплывший вокруг этого камня, обретет вечную молодость и красоту. Здесь география слилась с мифом, превратив обычный морской пейзаж в место паломничества.

Древние греки умели праздновать жизнь. Во время Афродисий – фестивалей в честь богини – алтари ритуально омывали морской водой, напоминая о её чудесном рождении. В жертву приносили белых голубей, священных птиц богини, а улицы заполнялись процессиями с цветочными венками. Музыка, танцы, смех – всё это было молитвой той, кто дарует плодородие и радость бытия. Эти праздники были гимном непрерывному потоку жизни, её вечному обновлению.

Искусство сделало Афродиту бессмертной даже для тех, кто не верит в богов. Античность оставила нам непревзойденные идеалы – «Афродиту Книдскую» и загадочную «Венеру Милосскую». Ренессанс возродил её в шедевре Сан-

дро Боттичелли «Рождение Венеры», где златокудрая дева плывет в раковине, гонимая ветрами, – образ, ставший иконой западной культуры. XIX век тиражировал «академических венер» кисти Бугро и Кабанеля, пока Эдуард Мане своей дерзкой «Олимпией» не бросил вызов лицемерной морали. XX век продолжил игру с образом: от сюрреалистических видений Дали до феминистских манифестов, возвращающих женщине силу и субъектность.

Миф об Афродите замешан на крови и морской пене, соединяя Восток и Запад. Эта история напоминает: красота часто рождается из боли и хаоса, но именно поэтому она настоящая – способная уцелеть в любом шторме.

Посейдон – повелитель стихии

Посейдон – один из трёх верховных олимпийских богов, сын титанов Кроноса и Реи, богини материнства, плодородия и природы, брат Зевса и Аида. Легенда о нём восходит к раннему этапу древнегреческой мифологии и встречается у Гесиода в его поэме «Теогония» (VIII–VII века до н. э.). В ней говорится, что Кронос, опасаясь свержения, глотал своих детей при рождении. Рея спасла младшего – Зевса, спрятав его в пещере на Крите и подложив Кроносу завёрнутый в пелёнки камень. Зевс уцелел, вырос втайне и освободил братьев и сестёр. Вместе они свергли отца, чтобы положить конец его тирании и установить новый порядок. После победы они бросили жребий, деля мир: Зевсу досталось небо, Аиду – подземное царство, а Посейдону выпало владычество над морями и всеми водами.

До Посейдона в греческой мифологии существовали и другие морские божества – Понт, древний повелитель морской стихии, Нерей, мудрый и спокойный старец морей, и титан Океан, символ мировой реки, омывающей землю. Посейдон стал первым богом моря с человеческим обликом и сильной личностью, способным соперничать с другими олимпийцами. Его характер сравнивали с морем: вспыльчивый и могучий, он то дарил покровительство, то внезапно приносил беды. В эпитетах поэтов он – Энносигай («Сотрясающий

землю»), бог землетрясений и бурь.

В греческих мифах Посейдон представлен как мощное божество, не раз выступавшее против самого Зевса. Он участвовал в заговорах, пытаясь свергнуть верховного бога, за что однажды был даже наказан – сослан на службу царю Трои, где вместе с Аполлоном строил стены города.

Особенно известна его вражда с Афиной. Оба бога претендовали на покровительство над Атикой, и спор решали необычным способом – каждый должен был сделать жителям дар, а они выбрать, чей подарок окажется ценнее. Посейдон ударил трезубцем по скале, из которой забил источник, – но вода оказалась солёной. Афина же посадила оливковое дерево – знак мира, плодородия и хозяйственной пользы. Афиняне признали дар богини полезнее, и город называли в её честь. Тем не менее поклонение Посейдону в Аттике не исчезло, и моряки, рыбаки и путешественники продолжали приносить ему жертвы, почитая его как грозного повелителя морей. И даже проиграв спор, он оставался богом, с которым лучше не ссориться, – под спокойной гладью моря всегда скрыта опасность. Часто этот миф трактуют как отражение напряжения между морскими народами и земледельческими племенами Эллады.

Существует и другой вариант легенды. В споре за Аттику Посейдон предложил людям не источник, а коня – символ завоеваний, силы и войны, – противопоставив его мирному дару Афины, оливковому дереву. По преданию, Посей-

дон ударил трезубцем по скале, и из камня выскочил конь с белоснежной гривой и глазами, сверкавшими, как морская вода. Этот конь стал его даром человечеству – воплощением скорости и мощи. Греки приписывали Посейдону изобретение уздечки и начало конных состязаний – прежде всего Истмийских игр, приуроченных к поклонению ему. В его честь приносили особые жертвы: быков и лошадей, которых топили в море – как подношение властителю глубин и создателю коней. Так миф противопоставил двух богов: Посейдона – как неукротимую силу моря и войны, и Афину – как хранительницу мира, разума и земной пользы.

Особенно ярко гнев Посейдона проявился в мифе об Одиссее. Возвращаясь домой из Трои, Одиссей вместе с командой оказался на острове циклопа Полифема – дикого и жестокого одноглазого великана. Чтобы спастись, он ослепил Полифема и сбежал, но перед уходом назвал себя по имени. Полифем оказался сыном Посейдона и воззвал к отцу, прося наказать обидчика. С этого момента Посейдон стал мстить Одиссею, насылая бури, топя корабли, разлучая героя с товарищами и снова и снова отбрасывая его от родного берега. В поэмах Гомера Посейдон предстаёт как безраздельный властелин водной стихии, перед которым бессильны все, кроме молящихся.

Посейдон и Амфитрита. Мозаика из Помпей. II в. до н.э.

Показательна и другая легенда, где гнев Посейдона обрушивается не на героя, а на целый город. Царь Трои Лаомедонт нанял Посейдона и Аполлона, чтобы они возвели неприступные стены города, но, когда работа была завершена, отказался платить им за труд. За клятвопреступление по-

следовало наказание, и Посейдон наслал на город морское чудовище, опустошавшее всё на своём пути. Чтобы умиротворить богов, Лаомедонт начал приносить в жертву людей, пока жребий не пал на его собственную дочь Гесиону. Её спас Геракл, убив чудовище, но сам факт обмана закрепил за Троей дурную репутацию, а за Посейдоном – образ мстительного бога, стоящего на страже справедливости и договора. Для греков в этом содержалось предупреждение о том, что даже могущественный царь не вправе нарушать слово, данное богам. Стихия не прощает долга, и море всегда взыщет своё.

Но вместе с гневом мифы показывают и защитную роль Посейдона. Он был покровителем моряков, и перед отплытием ему воздвигали алтари, приносили жертвы, умоляя о спокойном плавании. Храм Посейдона на крутом мысе Сунион возвышался прямо над морем – как каменный маяк и святилище одновременно. Его было видно издалека, и моряки молились богу ещё с палубы, приближаясь к берегу. Для молящихся этот храм становился местом поклонения – в нём рождались чудеса. Мореплаватели и корабельные мастера рассказывали, что сам бог являлся им во сне. Будто бы он открывал секреты морского дела – как строить корабли, как избежать крушения, как понимать волны и ветер. Один старый корабел из Пирея утверждал, что Посейдон во сне показал ему, как при строительстве судна соединять доски особым образом. Благодаря этому его корабль выдержал три

сильнейших шторма, в то время как другие суда тонули.

Посейдона представляли как величественного, могучего бога – бородатого мужчину с трезубцем в руке и короной из раковин и водорослей. Его глаза, по словам древних, были как глубины моря – тёмные, непостижимые и опасные. Одним взмахом трезубца он мог поднять шторм, разбить скалы, породить остров или затопить землю. По преданиям, его дворец стоял на дне моря в Эгейском море, у берегов острова Эвбеи. Там царила его супруга – морская нимфа Амфитрита, воплощавшая спокойствие и любовь. Их сын Тритон – морское божество с хвостом рыбы – трубил в раковину, чьё звучание могло умирять или поднимать волны. В одном из мифов его сыном был Полифем – одноглазый великан, внушавший ужас. А в союзе с горгоной Медузой Посейдон породил Пегаса – крылатого коня муз, ставшего символом вдохновения. Потомки бога тоже воплощали его внутреннее противоречие – в них уживались разрушение и гармония, ужас и творческое начало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.